

Евгений Вензель

СТИХОТВОРЕНИЯ

№ 132

всеутоляющий город -
утоли мою печаль
утоли мою скуку и радость
отдали

мою сырую горечь
праздник горечи ранней
от позднейшей любви пустотелой
и да будет пространство сине -
разделяющее пространство.

х х х

в этом городе жутком стозубом
когда ветер листы ворошит
громко прячется плачет по трубам
некто бледный и жестю шуршит
истерически города прячась
в темных трубах он только живет
и стозубое племя иначество
не допустит он в свой обиход
тяжко воют и лают окрести
никогда им всю грязь не соскресть
но забившиесь в застынувшей жести
он уже не ответит: я здесь.

май 68 янв.72 авг.74

х х х х

собака хочет всех облять
 а Гитлэр хочет всех убить
 максималисточка нагая
 любить тебя любить любить
 любить до черного сиянья
 тобой искушанного рта
 любить когда уж нет желанья
 не сняв креста
 лудить бока любить колени
 чесать живот
 любить еще наступит тленье
 и черный год
 на мокрой паперти скорючась
 лизать пятак
 нетерпелива наша участь
 пусть будет так
 но мы еще нетерпеливой

1969

х х х

спутанных локонов влажные клочья
юная челка черна
ты словоточица чернорабочая
клятвоопреступница сна
на улице шумы и стуки и клики
за перегородкой темно
запах дешевой мастики
яблоки дым и вино
сидела к двери спиной
горничная на этаже
все это было со мной
меня не ответить уже.

1969

О браге

мне нравится выцветший глаз
чудного рабочего парня
он тесто мешает в пекарне
и брагой радует нас

он моет стальную канистру
там сахар и дрожжи кладет
(в тепле ковыряется быстро
бактерий гнилой хоровод)

и жидкость насупившись бродит
и ползает жирным ужом
и бражные боги заходят
в доской заколоченный дом

и всякому пьянице крылья
прилаивают к спине
стаканы с налившимся пылью
на радостном моют огне

а пьяницы с черной отвагой
крыло в Нэтернении минут
и мысли их мутной брагой
вдоль черепа внятно текут

и вот потолок орошал
несется она из нутра
хроша брага большая -
на каждого четверть ведра

и нет ни скорбей ни иканий
ни в жаберных щелях тоски
и скоре зеленых созданий
ухмылки ужимки прыжки

но плачут надменные черти
и дуют в гнусавый рожок
на скатерти плачут до смерти
надменные черти с вершок

сверкается чёрное братство
корой заростает кора
и выросший патер над паствой -
кефирное темя утра.

август 70

х х х х

под предводительством луны
 при попустительстве рассудка
 уж не живу а только вижу ~~всё~~ сны
 где явь и сон текут без промежутка
 ласкается ко мне галиматья
 и видится несчастливая хмурость
 полуразбредшаяся прелесь бытия
 и человеков скорбная понурость
 любой из тысячи - ему уж невдомек
 зачем деревья ветер рвет и кренит
 зачем Нева пред ним так быстро пенит
 свою волну и бьется в закуток
 гранитный словно пьяный полубог
 дабы разрушить каменный итог
 разбить каменотесных поколений
 чадит как керосиновый фонарь
 переработавшийся гений
 он слышит стуки видит огоньки
 дыханье затая он ждет прихода
 и чудится ему - они близки
 уже он хочет их прикосновений
 но им прикосновения - не с руки
 они уходят не томя стукеней
 на лестнице не слышны их шаги
 потом прохожий длинный прохиндей
 ведет девицу схожую с Панургом
 и нос ее дрожит над Петербургом
 кошачее мельканье теней
 то схожее с розовощеким турком
 то с башмаком то наравне с краудурком
 кривляется как будто сельдерей
 но вот и он с раздавленным окурком
 чуть сходство ощущив растаял поскорей.

1970. 1971, август

х х х х

Я ношу свою кепочку набок.
 Я съедаю на завтрак лимон.
 Обожаю я толстых прорабов
 в хриплом мареве их панталон!
 Бледным миром дышу и вдыхаю,
 чаровница, его аромат!
 И бестрепетно я отцветаю,
 скучный, как о мэрсисме доклад.
 Но куда, но в какую халупу,
 чаровница, тебя приведу
 из столовой? Там требуют суну!
 Там безрадостно, словно в аду!
 С этой улицы, темной и дерзкой?
 Чаровница! В зеленом шарфе!
 Из дружины какой пионерской?
 Из какого глухого кафе?
 Может быть, испанованной зальцы
 полуульянской мне воздух глотнуть?
 Чаровница! Замерзшие пальцы!
 Каждый пальчик нам нужно обдуть,
 обогреть! Ты искусница! Детка!
 Чаровница! Изменница! Мать!
 Погоди, только звякнет каретка,
 станем пальцы твои целовать!
 Каждый день обветшалые мозги
 расступаются. Детка, шагай!
 Чаровница! Ты в детской матроске!
 А себе я твержу: умирай...

январь 71

т х х х

ты была для двоих нас любимой печальной сестрой
 а теперь ты со мною ты - пылкий податливый мрак
 но ведь даже телесной игрою
 не докажешь иного никак
 и в последнюю очередь ночи
 в первом свете прогорклого дня
 вновь туманятся бледные очи
 но не мной уж и не для меня
 все становится небылью зыбкой
 где ты? с кем ты? любимая, ась?
 утверждаешь дымною улыбкой
 ты кровосмесительную связь

шонъ 71

х х х х

трех первых листр черта кривая
подведена от сих до сих
я с ужасной улыбкой читаю
свой томительный детский дневник

о этом мальчиком о этом печальным
не хочу никакого родства
лишь читаю с терпением нахальным
отдаленного детства слова...

1971

х х х

и вот под веткой омелы
 мы видим грубую жару чету
 идут аресты и расстрелы
 дрожат челяскины на льду

войят шагая пионерки
 летит по Невскому вагон
 и над Невой фейерверки
 бичуют нежный небосклон

сто посетителей у Норда
 кают эклеры и буше
 и с кораблей речного порта
 несется песня о душе

астматик позабыв про астму
 сел с папиросой у окна
 покуда пишет песни Цфасман
 грядет священная война

и утомленнейшее солнце
 и отрицание любви
 пока еще побьют японца
 и немца выморт в крови.

ноябрь 71

х х х

я один в этом сытом убранстве
сумасшествия духов и снов
и браталось в безграмотном пьянстве
с жалким племенем маленьких сов
что ж я волк или нож или агнец?
или в мертвенно танце моем
я бреду как слепой иностранец
брошенный поводырем?

1972

х х х х

на пятой неделе заноя
 мнэ сон идилический был
 поляна там все голубое
 Венеция или Тагил
 две женщины над поляной
 кружили и старец парил
 когда я веселый и пьяный
 с пьянчужкой хромым подходил
 бутылку я вынул и выпил
 но старец свистнул крылом
 бутылку из рук моих выбил
 и весь я был залит вином
 со слабой улыбкой досадной
 на гневного старца взглянул
 и стал отряхать виноградный
 сок и скоро его стряхнул
 и сел между круиных ромашек
 с дурацкой улыбкой Пьеро
 а женщины стали из чашек
 поить меня сиплим ситро
 но я недостойной тоскою
 смущал их пленительный пыл
 и нежные руки рукой
 дрожащей своей отводил.

1972

Летний Сад

...сад, прекрасное дитя...

вон в той беседке около печали
военные вечернею порой
осенний Джейса сон играли
и солнца трезвого лучи
на трубах хладно трепетали
как угли фиглярской печи

чинились лебеди красотою длинношееей
шуршали платья трости били пыль
на утлом плотике вертясь перед аллеей
служитель водоросль вытягивал крюком
не столько волю служебной влеком
сколь упиваясь вакною затеей

мальчишки в сумерках кричали как сини
две девочки болезненной четою
как две восковых тоненьких свечи
несмешно шли держались середины
прямой аллеи и белели пелерины
как мотыльки кружасие в ночи

...она меж тем приблизилась настолько
что две старухи кинули скамью
и говорили: здесь так сырь Ольга
не простудиться б и Жужу озяб...
за темно старух пошел кряхтя как раб
высокий старец - старости и долга

семейного приверженец... и дирижер увел
усатых оркестрантов по Фонтанке
беседка опустела... приобрел
сомнительную прелесть маскарада
хеманный ритм зевающего сада
левкой невидимый ароматично цвел

гуляя по дорожкам бледный франт
богов разглядывал на цоколях немытых
как вдруг его привлек какой-то бант
в презренных снах робеющих но скотских
в мечтах полудуховых полуиллюзорских
скользить имел он тягостный талант

тщета полутонов его томила
осуществлений жизненных излет
предпочитал всему он... отдала
от ирака вставшая над линами луна
головку милую - и осень и весна
и милосердие и ужас и могила

здесь сочетались... но страшит нас явь
о бледный франт когда ж тебе наскучит
пленяться а меня Господь избавь
от приключений нежных и прелестных
от приключений тайных бестелесных -
но тело во главу угла поставь...

светясь в ночи утонченником в глуби
живое тело бодрствует любя
как омут хороши разомкнутые губы
и гибкою чертой разделены
томятся ноги... в отблесках луны
заметны дыма мертвенные клубы

двух панирос... молчит доходный дом
безмолвие... но с музыкой вышеей
душа знакомится как школьник с букварем
лишь суeta завистливая тайным знакам
не придает значенья... пятись раком
она мертвa в небрежестве своем...

она раба зловонного труда
и всякий вздор в горячке повседневной
уныло производит... как всегда -
избытокажд избыток утолений
а в недостатке истина и гений
горит ли вифлеемская звезда?

избыточность тлетворная пестра
богатый мир поет и бедокурит
туземцем он танцует у костра
мозоли режет воздух отравляет
развратничает стонет и зеваёт
но ты одна - печальная сестра...

Божественного разума черты
в тебе я постепенно различаю
сестра моя возлюбленная - ты
пустынником в безрадостном вертепе
рукой со лба сдвигаешь мрачно кени
и седь пядей округлы и чисты...

написан реквием глядит автопортрет
с воздетой бровью на меня пристрастно
с весной отступил несносный зимний бред
и меланхолия смиренная покорной
у ног моих свернулась кошкой черной
выносишь ли ты кискам их обед?

МОГУ похвастаться - есть угол у меня
МОЙ добрый друг его мне предоставил
я жду его приезда день со дня
как в брилже ждет десятка встреч с валетом
я умираю нет меня с приветом
печалится ревнивая мотня...

какие хочешь дам тебе обеты
со всей деревней сразу раздружусь
сестра моя возлюбленная где ты
любимая - теперь сестра мне грусть
я с нею рядом тихо опущусь
в червивое влагалище планеты...

март 72 от Р.Х.

Первый снег

подсолнухом в кашелку
ночью снег летел
он белую ёрмолку
на лысину надел

и там где небо криво
крыша оплела
топорщилась спесиво
калмыцкая скула.

ноябрь 72

х х х х

ну куда помешу одурачив сэбя кофеином
цэлый город с асфальтовым запахом дней
его пледам и платьям и редким его пелеринам
дам отведать я каменной скорби своей

пьяным женщинам улиц публичным прелестям парка
навсегда предпочту одиночества пасмурный сон
и печаль как сестра как река как товарка
и церквей ленинградских к заутрени жалобный звон

1972. 1977

х х х

дождь ли падает понурый
на картонки сумки лбы
неподвижный и хмурый
я стою у трубы...

сбивший столько набоек
загрубевший в гульбе
жизнь закончу как стоик
пригвожденный к тебе

помирать побируха
не поможет никто...
оцарапает ухо
ворот пальто!

сентябрь 73

х х х х

гречанка пуглива но умное виски
ее одолеет - проворнее киски
что мышку преследует - станет она
нежнее ладони белей полотна...

...но утром лишь утром мы выйдем отсюда
невымытой в кухне осталась посуда
на подоконнике - пустая бутылка
голодный - пейзаж я оглядывал пылко
молчала гречанка и грела ладони
чернел как трубка на телефоне...

янв. 74 дек. 77

х х х х

скучая недостатком бытия
лет двадцать пять не делал ни ...
но срок пришел и темный волос вылез
тогда забрав в кулак последний пыл
в холодный мир он торопливо вылез
но бедный только ... застудил...

февраль 1974

х х х х

природа нам дарит пример непостоянства
и льет сентябрьский дождь на крыши Рождества
что делать одному когда гудит от пьянства
с вчерашнего похмелья больная голова?

мне стыдно! ах зачем незваным на сочельник
явившись танцевал и на пол повалясь
смеялся как дурак и звал матрону в ельник
потом уснул в углу проснувшись лишь вчерась?

так что ж целитель мой что делать нам с тобою
ругаешь ты меня уже в который раз!
и ты во всем права..., из зеркала с тоскою
так горестно глядит мой кающийся глаз!

дек. 71 авг. 74

х х х х

от странного виденья мозгового
томящего как легкое вино
в остатке лишь сомнительное слово
от произвола мус отстранено

рассудок мой - при плане мысли точном -
меня клещ с отвагой петуха
и служкой косым неправомочным
пою я в храме русского стиха.

1972. 1974, август

х х х х

не помню в сонме юных дней
ни лиц ни говора ни песен
и прежний выводок теней
теперь уж мне не интересен

на школьной полке киснет кипарес
учитель курит прыскает девица
ты хочешь знать сбылось иль не сбылось?
сбылось! да так что лучше бы не сбыться...

август 74

х х х х

лист падает летит и вот уже в саду
все устлано и птицам нету крова
рыбак в фонтанку выставив уду
невозмутимо ждет улова...

плывет во мглу унылый ленинград
не петербург об этом нет и слова
и словно слезы в сизый летний сад
с оград стекает олово былого.

1974

х х х х

в час когда юные жены сбегаются к шумному рынку
трудолюбивым мужьям свежего мяса купить

в ларьке высоко поет маляр в пестрогрязной одежде
с кистью тяжелой в руке и с папиросой в зубах

свежий в июльской жаре идет белозубый квартальный
робко глядит наркоман на предержащего власть

пьяный под вывеской ТИР с закрытыми плачет глазами
а человек из авто долго глядит на него

можно увидеть меня быстро идущим проспектом
рот мой брезгливо надут в глазах социальная грусть -

я направляюсь в кафе похмельным синдромом объятий
стоя как лошадь в углу кафе с приятелем пить .

1973

1

юная дева бранит рифмы мои не со злобы
 все же какой там ни есть разум природой ей дан
 в ересь впадает она по старой детской привычке
 с куклой весь день проведя к ночи забросить ее
 так вот и разум ее пока его можно лелеять
 в плотную шаль завернув нежно лепеча слова
 радует детски ее к ночи же - времени мужа
 тысячи страшных глаголов юную душу теснят.

II

юные девы и мы громкоголосые мужи
 в разный возраст вступив ищем почти одногородки
 юная дева вспыхив ищет в мужчине опору
 зрелый же муж отыскав ищет покоя и неги
 юная дева спешит использовать юные годы
 чтобы под старость потом было чего вспоминать
 зрелый же муж не таков подобен иссущенной смокве
 знал он и холод и жар их оценивши вполне
 холод противен ему жар вызывает лишьажду
 кажду его утолить Нишу удастся едва ль
 вот потому предпочтет деве он винную бочку
 чтобы в нее погрузясь кажды и жара не знать...

декабрь 74

х х х х

Гардемарина звёнящий палаш
 Желт Петербург как объевшийся хина
 Ты забираешься в мертвый пейзаж
 Но не дойдешь до его середины
 Губы лепечут и руки дрожат
 К сердцу подкрадся холод куртины
 Жаль что для юности прелесть таят
 Даже плохие картины
 Этот заезженный гаерский лоб
 Эти ужимки печальной Мальвины
 С месяц бы понял этот захлеб
 Эти большие смотрины
 Так что дружочек поостуди
 Пыл сухонутной Ундини
 Не уживешься мой ангел среди
 Лилий лягушек и тины.

1975

х х х х

проходившейся крыши пазы
керосинка горящая скучно
жидкость падает в банки тазы
жидкость капает грустно и тупо

так гримит стихотворный размер
так прерывисты речи кретинов
день и вечер и череп мой сер
день и вечер и свет керосинов...

май 75

х х х

твоя любовь моя обуза
и я устал махать крылом
всегда один на тяжесть груза
непобедимого вдвоем
не гладкий я шероховатый
работник я а не лентяй
и уши сумасшествья ватой
я для тебя заткнул мой край
я слышу темное биение
шорох сердца моего
пожилого вдохновенья
изнурительное торжество
застынет жареный картофель
и злобясь женщина уйдет
хоть мой последовательный профиль
ротондой сильно отдает

1969. ноябрь 76

6 строф по уходу

и я приду к тебе зачем еще не знаю
из комнаты чужой за голосом певца
и в лучшей девочке тоска моя хмельная
ступени заскрипевшего крыльца

устройся на юру кривясь от неудобства
я так уже устал от всяких бурных дур
от мудозвонства жен приятелей холопства
и заметел в смертельную лазурь

как за деревьями за ними было скрыто
но взгляд мой плотницкий измерил глубину
открылось дно бездонное корыто
теперь вместившее тебя одну

и знаешь что скажу теперь бы было в пору
лишь чистый воздух полудня курить
с тобой брести коров по косогору
и чистя хлев о Гете говорить

но будущее - кофе - растворенный
в делах сегодняшнего дня
все отроки кто нежный кто влюбленный
но кто же здесь не влюбится в меня?

но кто поставил точку промахнулся
летит ридван ползет кабриолет
и я пришел туда откуда я вернулся.....

ноябрь 76

х х х

Летний сад был закрыт на просушку
одолев драгоценный забор
я безрадостно выним косушку
закурил погодив "беломор"

и к чугунному камню с поэтом
отдышаться я сел на скамью...
моя юность с погашенным светом
я с тяжелой душой узнаю!

1974. 1977, декабрь

х х х

просыпайся ты слишком глубоко уснул
 а проснулся — почти оплещивел
 кто-то снес на толкучку прадедовский стул
 а любимую к площади вывел
 брюки жгут ожиревшие в лежке бока
 восемь трещин на высохшем мыле
 руку к начке но там уже нет табака
 к телефону — его отключили
 ты на улицу всеми дверями гремя
 к людям кои у стеночки встали
 спросишь их: а вы здесь не видали меня?
 и ответят они: не видали...

май 77

х х х

как я пифийствовал... отныне
я не пифийствую... давно
стал прозрачен как водка в графине
чтоб всякий бездельник разглядывал дно

я был далек а стал я - Коломяги
я плещ поставил на постой
и на простецкой вывозу бумаге
простецкое простецкую рукой.

26 и 29 июля 77